

I. История идей

Леонид Люкс

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗАКАТА ЕВРОПЫ И СТРАХ ПЕРЕД РОССИЕЙ (1815-1856) – К пониманию феномена русофобии на Западе

Ситуация в Европе, возникшая вслед за окончанием Второй мировой войны, напоминала ту, что явилась результатом поражения Наполеона. Как и после 1815 года, на Западе вновь стали видеть в России угрозу для европейской цивилизации и потенциального завоевателя мира. Многие европейцы восхищались прозорливостью А. де Токвиля, Доносо Кортеса, Кюстина или Фальмерайера, которые уже в середине 19-го века предсказали России великое будущее, несущее в себе опасность для Запада. Никто не заметил, что в своих предсказаниях эти мыслители исходили отчасти из ложных посылок. Так, к примеру, вера Токвиля, Доносо Кортеса и других в будущность России коренилась в их глубоком убеждении, что Запад переживает непреодолимый упадок и не имеет уже сил к обновлению.¹

Между тем в то время эти пессимистически настроенные писатели принимали за всеобщий кризис Запада более частное явление – закат аристократической Европы. В своем прогнозе они перескочили практически через столетие – в их предсказаниях не говорится ни о распространении динамичного, экспансионистского национализма, ни о подъеме Германии, ни о мощном разрастании европейских колониальных империй. В нем нет почти ни слова обо всех тех событиях, которые оказали на Европу в равной степени животворное и разрушительное воздействие. Все эти процессы повернули развитие Запада в совершенно иную сторону по сравнению с тем, что было предсказано мыслителями-пессимистами. И всё же сто лет спустя Запад вновь оказался, по-видимому, в том же положении, в каком был в середине 19-го века. Весь этот век рассматривается многими историками всего лишь как своего рода окольный путь, благодаря которому Европа

¹ Так, Токвиль считал, что ввиду русского могущества его соотечественникам нет больше смысла опасаться объединения Германии. „По-моему, - писал он в 1849 году, - наш высший интерес заключается в поддержке объединения всех германских племен с тем, чтобы с помощью их мощи противодействовать царю“. Цит. по: Tschizewskij, D./Groh D. Europa und Rußland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses. Darmstadt, 1959, S. 109.

лишь на время смогла уклониться от своей якобы неизбежной судьбы, имя которой – упадок и русская гегемония².

Сейчас уже не надо доказывать, что в этой трактовке потенциал развития Запада недооценивается, а Востока – переоценивается. Чем всё же можно объяснить такое искаженное восприятие отношений между Западом и Востоком? Анализ того страха, который испытывал Запад перед Россией после 1815 года – между Венским конгрессом и Крымской войной поможет, как представляется, кое-что прояснить.

I

В период с 1812 по 1815 год Россию прославляли как спасительницу Европы от тирана, но уже вскоре после этого ее же стали считать наследницей мощи Наполеона³. Западная общественность приняла чуть ли не за аксиому, что Россия, подобно наполеоновской Франции, стремится к созданию всемирной монархии. Огромная территория России, которая в 1812, как и в 1941 году, спасла Европу от окончательного покорения, теперь казалась чем-то угрожающим. На Западе редко замечали тот факт, что русский натиск на Европу, еще столь сильный в XVIII веке, практически сошел на нет в следующем столетии. Английский историк Болсовер указал, к примеру, на то, что небольшая полоса в устье Дуная, которая была вытребована у Турции по Адрианопольскому мирному договору (1829 г.), была единственной территорией, аннексированной Россией в Европе между 1815 и 1914 годами⁴. Даже тот факт, что в 1818 году русские войска в соответствии с договором оставили занятые ими территории Франции, – образ действий, довольно нетипичный для потенциальных завоевателей мира, – никак не смягчил тезис о захватнических планах России. Нередко их считали более опасными, чем завоевательные устремления Франции, ибо речь шла о незападном государстве. Его вызов выглядел не только военным и политическим, но и культурным, представляя якобы угрозу самобытности Запада.

Вызывает удивление, что внешнюю политику царской России после 1815 года, ориентированную на осмотрительность и щепетильность в сохранении европейского статус-кво, можно было отождествить с воинственной, устойчиво экспансионистской политикой наполеоновской Франции. Зачастую не обращалось вни-

² См.: Schelting von A. *Rußland und Europa im russischen Geschichtsdenken*. Bern, 1948, S. 205-209, 312; Barraclough G. *Europa, Amerika und Rußland in Vorstellung und Denken des 19. Jahrhunderts* // *Historische Zeitschrift*, 1966, №203, S. 280-315.

³ Gleason J.H. *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Public Opinion*. Cambridge (Mass.), 1950; McNally R.T. *The Origins of Russophobia in France; 1812-1830* // *The American Slavic and East European Review*, 1958, 17, p. 173-189.

⁴ См.: Bolsover G.H. *Aspects of Russian Foreign Policy: 1815-1914* // *Essays Presented to Sir Lewis Namier*. Ed. By R. Pares, A.J.P. Taylor. Freeport (N.Y.), 1971, p. 320.

мание на то, что различия во внутренней структуре Бонапартовой и царской империй должны были неизбежно воздействовать на их внешнюю политику. Завоевательный порыв наполеоновского государства не в последнюю очередь был обусловлен тем, что избыточную энергию только что укрощенной революции необходимо было вынести во внешнее пространство. Энергия же царского правительства в первой половине XIX века, наоборот, была направлена главным образом на сохранение исторически себя изживших социальных условий в стране. Давно назревшее освобождение крестьян, необходимость которого была осознана уже в эпоху царствования Александра I, Николай I так и не решился провести в жизнь. Вместо отмены крепостного права существовавшие в России социальные отношения в годы его правления были заморожены, страна переживала всеохватывающий политический паралич. Кроме того, восстание декабристов в 1825 году повлекло за собой всё более углублявшийся раскол между правительством и образованным слоем. В конечном счете по этой причине Николай I подозрительно относился ко всем общественным движениям, даже поддерживавшим его политику. К их числу, например, относились лояльные режиму националистические и панславистские течения, чьими самыми влиятельными представителями были Михаил Погодин и Федор Тютчев. Их стремление освободить славян, оказавшихся под габсбургской, а главное – османской властью, Николай I рассматривал как своего рода подстрекательство к бунту. Ведь народы побуждались к неповиновению их законным государям. В представлении же царя обществу надлежало лишь повиноваться и не вмешиваться в дела правительства⁵.

Упомянутые паралич и внутренняя неподвижность имели своим внешнеполитическим эквивалентом политику Священного союза, подавлявшего любую попытку перемен. Но в этом отношении курс Николая I был не вполне последовательным, что позднее сыграло для него роковую роль. Ибо применительно к Османской империи, которую царь называл „больным человеком на Босфоре“, он не признавал принципа статус-кво. Так Российская империя стала объектом ненависти как для тех, кто стремился к революционным либо территориальным переменам в Европе, так и для тех, кто любой ценой хотел не допустить этих перемен.

Подавление польского восстания 1830-1831 годов и патерналистская политика царя по отношению к турецкому султану, нашедшая свое выражение в крайне унижительном для Турции Ункяр-Искелесийском договоре 1833 года⁶, до такой степени возмутили европейскую общественность, что казался неизбежным „крестовый поход“ Запада против „восточного тирана“. Ухудшению образа России в глазах европейцев чрезвычайно содействовали 10 тыс. поляков, эмигрировавших

⁵ См.: Riasanovsky N.V. *A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia: 1801-1855*. Oxford, 1976.

⁶ См.: Gleason J.H. *Op. cit.*, p. 136, 146; Anderson M.S. *The Eastern Question. 1774.1923: A Study in International Relations*. L., 1966, p. 83.

на Запад после подавления восстания 1830-1831 годов⁷. Польские борцы за свободу относились к царской империи не просто как к политическому противнику, но как к воплощению зла. Столкновение между двумя нациями приобрело видимость борьбы между светом и тьмой. Тем самым конфликт вышел за пределы политической сферы и приобрел едва ли не метафизическую окраску⁸.

Почти везде, где велась борьба против России, – на Кавказе, в Турции, Венгрии, – появлялись польские эмигранты и продолжали свой конфликт с царской империей. Но самую важную победу они одержали, добившись поддержки западной общественности. Борьба между польским Давидом и русским Голиафом завораживала европейцев, и в этой борьбе России симпатизировали одни лишь западные легитимисты⁹. Сам царь воспринимал польский вызов как беспрецедентную угрозу. Русскому государю (как говорил английский историк А. Тейлор) казалось, что от усмирения поляков зависело существование России как великой державы¹⁰.

Между тем польским борцам за свободу было ясно, что проявленных к их стране симпатий со стороны западной общественности вовсе недостаточно для восстановления ее независимости. Для этого было необходимо расторжение союзов между державами, поделившими ее, но в первую очередь – вытеснение России из Восточной и Центральной Европы.

Этой цели нельзя было достичь без общеевропейской войны. Отсюда мольбы многих поляков о такой войне, о „крестовом походе“ против царской империи.

Однако этот крестовый поход тогда не состоялся. Как жестко в свое время был подавлен гегемонистский порыв революционной, а затем наполеоновской Франции! Почти весь силовой потенциал континента был мобилизован и поставлен на карту во многих войнах для того, чтобы справиться с французской угрозой.

По отношению же к России ничего похожего первоначально не наблюдалось. Слова „русская угроза“ были у всех на устах, но в общем и целом борьба против нее ограничивалась на протяжении четырех десятилетий словесными выпадами. Даже Великобритания, крайне редко склонявшаяся к компромиссам с гегемонистскими силами, сначала не была исключением в этом. Вряд ли можно превзойти интенсивность английской русофобии 30-х годов 19-го века. Для британских островов царская империя (как раньше Франция, а позже Германия) являла собой воплощение врага *par excellence*¹¹. С таким противником Англия обычно боро-

⁷ См.: Hahn H.H. Außenpolitik in der Emigration: Die Exildiplomatie Adam Jerzy Czartoryskis 1830-1840. München - Wien, 1978; Gleason J.H. Op. cit., p. 177 ff.

⁸ См.: Karpiński W., Król M. Sylwetki polityczne XIX wieku. Kraków, 1974; Lepkowski T. Polska - Narodziny nowoczesnego narodu 1764-1870. Warszawa, 1967, S. 450 ff; Luks L. Rußlandsehnsucht und Russenhaß // Deutsche und Polen: 100 Schlüsselbegriffe. Hg. E. Kobylinska, A. Lawaty, R. Stephan. München, 1992, S. 71-79.

⁹ См.: Jahn P. Russophilie und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831-1852. Stuttgart, 1980.

¹⁰ Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe: 1848-1918. L., 1971, p. 9.

¹¹ См.: Gleason J.H. Op. cit.

лась до „победного конца“. Однако с Россией конфликт был разрешен совсем иначе. Всё более обострившийся в течение десятилетия словесный поединок завершился в 1841 году так называемым договором о проливах, повлекшим за собой быстрое затухание антирусских настроений на Альбионе. Завершив собой начавшийся в 1839 году восточный кризис, этот договор положил конец непременной для Лондона зависимости турецкого султана от царя¹². Такое соглашение, соблюдавшееся обеими сторонами практически до начала Крымской войны, представляло собой довольно нетипичный образчик разрешения конфликта с державой, якобы стремившейся к мировому господству. Договоры Англии с Францией эпохи Наполеона не соблюдались так долго.

После 1815 года царская империя исключительно ценила слаженность „концерта“ держав. Любое изменение во внешней политике она стремилась подстраховать договорами с другими державами. Она была также готова отказаться от определенных, ей одной доставшихся преимуществ, если удавалось оставшуюся их часть утвердить за собой по международному праву (например, договор о проливах).

Другие державы, претендовавшие на гегемонию в XIX-XX веках, обычно совершенно иначе относились к существовавшей системе государств. Они видели в ней оковы, от которых желали освободиться. Они утверждали, что система устарела, более не отвечает новому соотношению сил¹³. Между тем в подобных аргументах защитники существовавшего порядка усматривали беспримерную дерзость. Крайне агрессивная реакция на такие требования была гарантирована.

После 1815 года Россия стремилась вовсе не к широкомасштабному преобразованию европейской системы государств, а как раз наоборот – к ее защите от революционных изменений. Естественно, силы порядка с их внешнеполитическими программами обычно не встречают столь резкого отпора, как „высочки“, желающие основательно изменить или разрушить существующий международный порядок.

Гегемонистская политика России коренным образом отличалась от соответствующей политики западных великих держав еще в одном отношении. Английский историк Л. Нэмьер отмечал, что те великие державы, которые стремились к объединению континента, как правило, ссылались на древнеримское наследие. И эта идея о единственном „восстановителе“ древнеримской империи нашла самого непреклонного противника в лице Великобритании¹⁴.

Западная имперская традиция была чужда России. Ее экспансионистские устремления имели совершенно иное идеологическое происхождение. Кроме того, они направлялись прежде всего против стран, расположенных на периферии кон-

¹² Одновременно договор закрывал для западных военных кораблей проход через Босфор и Дарданеллы, чем гарантировал русское господство на Черном море.

¹³ См.: Dehio L. Gleichgewicht oder Hegemonie. Krefeld, 1948.

¹⁴ Namier L. Facing East. L., 1947, p. 99f.

тинента (Польша, Швеция, Турция), а не против областей бывшей западноримской или каролингской империй – сердца Западной Европы. По этой, отнюдь не последней, причине огромные территориальные приобретения, сделанные Россией в XVIII веке (следовательно, уже после ее включения в европейскую систему государств), вызвали не слишком большое беспокойство у Запада. Царская империя расширяла свое влияние именно на те регионы, которые никогда не были в фокусе внимания западноевропейцев. На Западе сравнительно легко мирились с тем, что на европейском Востоке теперь господствовала Россия, а не Польша или Швеция. Единственное исключение составляла Турция. В европейских столицах Константинополь считался своего рода ключом к мировому господству. Поэтому нужно было любой ценой воспрепятствовать распространению влияния России на этот регион.

Отсутствие военной эскалации в конфликте между Западом и Востоком в 30-40-е годы XIX столетия нередко объясняют усталостью от разорительных наполеоновских войн. Л. Нэмьер говорит об этом, ссылаясь на французского премьер-министра Гизо (1836-1837 и 1840-1848 гг.), заметившего, что во времена Июльской монархии было множество конфликтов, которые раньше непременно привели бы к войне, но теперь были мирно улажены¹⁵.

Эта ссылка на длительно сказывавшиеся последствия наполеоновских войн, конечно, неудовлетворительна. Ведь передышка, предоставленная европейцам между первой и второй схваткой Германии за мировое господство в XX веке, продолжалась всего 20 лет. Причем Первая мировая война с ее тотальной мобилизацией изнурила европейцев не меньше, чем это сделали наполеоновские войны. Поэтому следует искать дополнительное объяснение, почему конфликт между Западом и Востоком в период между 1815 и 1853 годами развивался по совершенно иной модели, нежели более ранняя и более поздняя борьба за гегемонию.

II

Ослабление напряженности в англо-русских отношениях, которое наблюдалось в 40-е годы XIX века, никак не повлияло на отношение континентальной общественности к России. Русофобия, во Франции и Германии прежде всего, в это время даже усилилась. Особенно после издания в 1843 году отчета маркиза де Кюстина о его путешествии по России, который впоследствии перепечатывался неслучайное число раз¹⁶. А. Герцен упомянул его среди самых важных книг о Рос-

¹⁵ Namier L. *Conflicts*. L., 1942, p. 55.

¹⁶ Marquis de Custine. *La Russie en 1839*. P., 1843.

сии¹⁷. В этой книге проникательные наблюдения были перемешаны с натяжками, которые внесли очень существенный вклад в еще большее искажение образа России на Западе. Она была представлена Кюстином в виде поверхностно цивилизованной восточной деспотии, ее население – как масса рабов без всякого понятия о праве и собственном достоинстве. От этого государства-монстра, чуждого Западу, по мнению Кюстина, исходила огромная опасность. Он был убежден, что конечной внешнеполитической целью царя является распространение господствовавшей в России деспотической власти на всю Европу и даже на весь мир.

Хотя в потоке враждебной России публицистики книга Кюстина заметно выделялась своим блеском, содержащиеся в ней положения в общем и целом отнюдь не отличались оригинальностью. Их исповедовали, пусть и в огрубленной форме, бесчисленные публицисты меньшего калибра¹⁸. Поэтому не сама острота кюстиновской критики поразила правящие круги Петербурга, а тот факт, что страстная обвинительная речь против России исходила из уст консерватора. В те времена в Петербурге привыкли уже к тому, что после 1815 года Россия превратилась в заклятого врага западных либералов и демократов. Напротив, для большинства европейских консерваторов царская империя представляла собой самую прочную опору легитимного порядка¹⁹. Тот же Кюстин писал о том, что первоначальной целью его поездки в Россию было обнаружить там некие политические образцы, являющие собой альтернативу парламентской системе, которую он отвергал. В эпоху Реставрации многие легитимисты действительно нашли свою „Утопию“ в царской империи. Они видели в России свое спасение²⁰, точно так же, как многие европейские революционеры после 1917 года. И тем не менее обличительная книга Кюстина показала, что и в консервативном лагере друзей у России становилось всё меньше.

Однако такая значительная изоляция России в европейском общественном мнении сначала не имела никаких непосредственных политических последствий. Словесные баталии публицистов не были поддержаны соответствующими действиями правительств. Из-за общего страха перед революцией относительно неколебимым оставался вплоть до 1848 года союз трех консервативных дворов – Петербурга, Вены, Берлина, несмотря на отдельные разногласия между ними. Что

¹⁷ См.: Герцен А. Сочинения. М., 1958, т. 9, с. 124; позднее Герцену пришлось пересмотреть свое суждение о Кюстине. См.: Он же. Указ. соч., т. 8, с. 336; см. также: Герцен и Запад // Литературное наследство. М., 1989, с. 96.

¹⁸ См.: Kennan G.F. The Marquis de Custine and His Russia in 1839. New Jersey, 1971, p. 87.

¹⁹ В мае 1849 года Доносо Кортес назвал русскую армию последним резервом, которым еще располагают цивилизованный мир и его общественный порядок. См.: Cortés D. Abfall vom Abendlande. Dokumente. Hg. Von Paul Viator. Wien, 1948, S. 274.

²⁰ Например, мюнхенский теолог Франц фон Баадер ожидал от России импульсов к спасению западного христианства. В 1841 году он писал: „Забота Всевышнего пока уберегла русскую церковь от европейского мировоззрения и таким образом от соблазна дехристианизации“. А потому эта церковь будет „в состоянии... оказать освободительное влияние на Запад“. См.: Tschizewskij, D./ Groh D. Op. cit., S. 102f.

касается Франции времен Июльской монархии, то она в основном жила воспоминаниями прежней военной славы и едва ли была склонна к милитаристским акциям. Миролюбие Июльской монархии не в последнюю было связано с тем, что она представляла интересы всё уменьшавшейся части французского общества и фактически, как некогда выразился Токвиль, жила на вулкане²¹. Поскольку Июльская монархия имела революционное происхождение, постольку ее олигархический характер вызывал особое возмущение у большинства населения. По всем этим причинам Париж едва ли был способен на смелую и агрессивную внешнюю политику.

III

Уступчивость европейских правительств по отношению к Петербургу приводила в негодование революционные силы на континенте. Многие члены правительств, от Лондона до Берлина, были клеветнически объявлены царскими агентами. Подлинным противником „восточной деспотии“ тогда считали европейскую революцию. Впрочем, сходным образом думали и некоторые защитники русского самодержавия. Поэт Федор Тютчев писал, что в Европе существуют две силы – Россия и революция: „Жизнь одной из них есть смерть другой. От исхода борьбы, которую они начали, на столетия зависит будущность политики и религии человечества“²².

Фактически борьба против России – „самого мощного оплота контрреволюции“ – была одним из важнейших внешнеполитических требований революции, разразившейся в Европе в 1848 году²³. Весной того же года революционная Европа переживала упоение победой. Капитуляция почти без борьбы самых могущественных на континенте монархов опьянила противников старого режима. Почему бы им не продолжить свое победоносное шествие дальше на Восток? Тогда казалось, что время осторожной политики европейских кабинетов, ориентированных на сохранение статус-кво, подходит к концу и наступает эпоха энергичных перемен. Режим Николая I, основанный на косности и неподвижности, перед лицом этих новых процессов выглядел особенно анахроничным. Одну из

²¹ См.: Tocqueville de A. *Erinnerungen*. Stuttgart, 1954.

²² Тютчев Ф. Политические статьи. Париж, 1976, с.32; см. также: Флоровский Г. Тютчев и Владимир Соловьев // *Путь*, 1933, №41, с. 3-24. Соотношение сил в тогдашней Европе поборники революции характеризовали сходным с Тютчевым образом. В 1853 году Ф. Энгельс писал: „Россия - убежденный покоритель наций, и она им была весь век, пока великое движение 1789 года не сотворило ей опасного противника, полного мощной энергии... С той эпохи на европейском континенте фактически существовали только две силы: с одной стороны, Россия с ее абсолютизмом, а с другой ... революция“ (Marx K. und Engels F. *Werke*. Bd 1-39. Berlin, 1959-1968, Bd. 9, S. 17).

²³ См.: Namier L. 1848: *The Revolution of Intellectuals*. London, 1950, p. 54, 60; Bolsover G.H. *Op. cit.*, p. 334.

важнейших целей революции – территориальное преобразование Европы – едва ли можно было достичь без существенного ослабления русских позиций в Восточной и Центральной Европе. Кроме того, победу революции нельзя было считать окончательной и бесповоротной без ниспровержения России. Решающая битва между революцией и последним бастионом старого порядка представлялась неизбежной.

Между тем, ко всеобщему удивлению, дело до такой битвы не дошло. Для того, чтобы успешно побороть Российскую империю в ее роли главной опоры старого порядка в Европе, революция должна была бы развить соответствующие универсальные принципы и геополитическую стратегию. Это однако не было сделано. В исторической литературе 1848 год единодушно признается годом триумфа национального эгоизма²⁴. Особенно четко это отразилось на судьбе Польши.

Начиная примерно с 1830 года (с ноябрьского восстания) солидарность с угнетенными поляками представляла собой своего рода пробный камень революционного умонастроения. Но как раз после победы революции это чувство солидарности заметно ослабло. Поставленные перед выбором: идейные принципы или политика во имя национальных интересов, – революционные движения или их руководители, как правило, выбирали последнюю. Первый министр иностранных дел временного правительства, созданного в Париже в конце февраля 1848 года, А. Ламартин ни в коем случае не хотел подвергаться риску войны из-за Польши. Мы любим Польшу, Италию и другие угнетенные народы, объявил он 27 марта 1848 года, но больше всего мы любим Францию²⁵.

Для Германии, в свою очередь, выступить за независимость поляков означало не только подвергнуться риску осложнить международные отношения, но и примириться с территориальными потерями. Когда это было осознано, восторженное отношение немецких революционеров к полякам тотчас же поутихло. Ибо то, к чему они стремились, были не только свобода, но и, вероятно в гораздо большей степени, достижение национальной мощи²⁶.

За польскую независимость и тем самым за революционную войну против России в конечном счете выступали только радикальные левые, причем и в Гер-

²⁴ См.: Namier L. 1848...; The Opening of the Era: 1848. Ed. By F. Fejtö, N.Y., 1966; Talmon J. The Unique and the Universal. L., 1965.

²⁵ См.: Jennings L.C. France and Europe in 1848: A Study of French Foreign Affairs in Time of Crisis. Oxford, 1973, p. 44 ff. В своем манифесте, обращенном к Европе, Ламартин не оставил сомнений в готовности Второй республики к миру: „Война почти всегда является диктатурой... Республика Франция ни на кого не пойдет войной“ (Lamartine A. Geschichte der Revolution von 1848. Leipzig, 1849, S. 28).

²⁶ В ходе дебатов о Польше в Паульскирхе большинство депутатов высказалось за „здоровый народный эгоизм“ и против „сентиментального космополитического идеализма“, то есть против Польши. См.: Nipperdey T. Deutsche Geschichte. 1800-1866: Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983, S. 627 ff.

мании и во Франции. Но это требование левым удалось осуществить в столь же малой степени, как и прочие их требования.

Итак, вопреки всем предсказаниям, царская империя не оказалась объектом революционной интервенции. Всё же следует заметить, что и внешняя политика петербургского кабинета кое в чем способствовала тому, чтобы предотвратить такой поворот событий.

За первым составленным в воинственном тоне царским манифестом от 14 марта 1848 года, в котором речь шла о непримиримой борьбе с революцией²⁷, неделю спустя последовало гораздо более мягкое заявление. Царь дал себя уговорить своему министру иностранных дел Нессельроде, склонному к крайней осмотрительности, не провоцировать европейскую общественность. В манифесте от 20 марта 1848 года говорилось о невмешательстве России во внутренние дела Германии и Франции. Английский историк Льюис Нэмьер видит в осторожной политике царского правительства одну из важнейших причин того, что в 1848 году не произошло эскалации конфликта между Западом и Востоком²⁸.

Свою бессильную ненависть к революции Николай I проявлял лишь там, где это не могло спровоцировать европейскую войну. Например, в сентябре 1848 года он вторгся в отдаленные от европейских центров дунайские княжества, чтобы там задушить революцию²⁹. Вследствие революции на Западе усилилось и преследование тех сил в самой России, которые были критически настроены к режиму. После 1848 года и без того репрессивный режим Николая I приобрел почти деспотические черты. Многие современники свидетельствовали, сколь невыносим был внутривластный климат в тогдашней России³⁰. Критически мыслящие подданные царя, которые в 1848 году едва ли представляли опасность для режима, должны были расплачиваться за то, что Николай I был принужден к внешнеполитической пассивности, что у него не доставало сил победоносно бороться с западной революцией.

Была ли русская интервенция в Венгрию в мае 1849 года отходом от соблюдавшейся до тех пор внешнеполитической осторожности петербургского кабинета? Ни в коем случае. Вторжение произошло в соответствии с настоятельными пожеланиями австрийского императора. Правда, советский историк Нифонтов сообщает, с каким нетерпением Николай I ждал этой просьбы о помощи от Франца-Иосифа. Не в последнюю очередь причиной было участие его злейшего врага – поляков – в венгерской революции. И всё же царь наверняка бы не осмелился напасть на Венгрию без приглашения венского кабинета.

²⁷ См.: Нифонтов А.С. 1848 год в России: Очерки по истории 40-х годов. М. - Л., 1931, с. 165; Зайончковский Л.М. Восточная война. СПб., 1908, т.1, с. 176-179.

²⁸ См.: Namier L. 1848..., p. 94.

²⁹ См.: Нифонтов А.С. Указ. соч., с. 168.

³⁰ См.: Чичерин Б. Воспоминания: Москва сороковых годов. М., 1929, с. 77, 79, 81, 84; Никитенко А.В. Дневник в трех томах. Л., 1957, т. 1, с. 164, 182-203; Печерин В. Замогильные записки. М., 1932.

Кроме того, не следует переоценивать значение русской интервенции в Венгрии. Дело тогда вовсе не шло о решающей битве в революции, о непримиримой борьбе, борьбе не на жизнь, а на смерть между самым мощным защитником старого порядка в Европе и его радикальными противниками. Не следует забывать, что венгерские события происходили в момент, когда судьба революции была решена. В самых важных европейских центрах (Париже, Вене, Берлине) она уже была разгромлена. Венгрия в тот момент была лишь маленьким, изолированным островком в контрреволюционном море. Удержать этот форпост революции на длительное время было едва ли возможно.

Ужас перед четвертым сословием и прежде всего новым якобинским террором почти полностью вытеснил страх перед Россией у либеральных защитников революции 1848 года в Западной и Центральной Европе. Навязчивый страх французов перед социализмом отдал их в руки деспота, говорил Токвиль в декабре 1851 года.

Итак, революция на Западе потерпела поражение в первую очередь из-за страха перед «четвертым сословием» (неимущими классами), который охватил средние слои, и без малейшего содействия со стороны России. Только после того, как была преодолена революционная опасность, европейская общественность снова обратила свое внимание на Россию и отодвинула на второй план внутреннюю политику. Таким образом, не победой революции (как предполагали радикалы), а ее поражением были созданы предпосылки для десятилетиями пропагандируемого „крестового похода“ против России.

Безобидность революции 1848 года избавила Европу от якобинской травмы, тогда как гегемонистская, наполеоновская травма всё еще не была изжита. И кто же, кроме царя, мог олицетворять бонапартовскую попытку объединить под своим скипетром всю Европу от Атлантики до Москвы?

IV

Миражи заката Европы и страхи перед грядущим русским мировым господством, которые и до 1848 года подтачивали самосознание западноевропейцев, после революции 1848-1849 годов снова усилились до крайности³¹. Французский историк Мишель Кадо сообщает, например, о том, как Францию в январе 1849 года охватил страх перед русским вторжением. Кошмарная картина, от которой леденило душу у некоторой части французской общественности, – это новый въезд казаков в Париж³². События, с такой силой потрясшие в 1848-1849 годах

³¹ См.: Rich N. *Why the Crimean War? A Cautionary Tale*. Hannover, 1985, p. 2f.

³² См. Cadot M. *La Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856)*. P., 1967, p. 511; о тогдашних страхах немцев см.: Stammer H. *Wandlungen des deutschen Bildes vom russischen Menschen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1957, №5, S. 279.

Центральную и Западную Европу, Россию практически не затронули. Поэтому многие европейцы были до крайности впечатлены кажущейся внутренней стабильностью русского режима. Именно отсталость социальных структур России казалась им гарантией иммунитета царской империи к революционным идеям, чуть было не разрушившим Запад. В промышленной революции, в полную силу охватившей тогда западные страны, многие мыслители видели не источник будущего могущества, а скорее ослабляющий фактор. Социальный вопрос выглядел в то время неразрешимым. Июньское восстание пролетариата в 1848 году в Париже казалось лишь предвестником ожесточенных классовых боев. В России же фактически не было пролетариата, а промышленная революция только подступала к ее границам. Тем более угрожающее впечатление производил этот внутренне гомогенный колосс на Запад, раздираемый противоречиями. Страстный приверженец старого порядка испанец Доносо Кортес заметил в 1850 году: „Если в Европе нет больше противостоящих друг другу армий, ибо революция их рассосала, если в Европе нет больше любви к родине, так как социалистическая революция истребила ее, тогда, уважаемые господа, сие означает, что пробил час России. Тогда русский может спокойно разгуливать по нашей земле с ружьем наперевес“³³.

Катастрофа, постигшая наполеоновскую армию именно в отсталой России, только способствовала подтверждению тезиса о превосходстве России над высоко развитым Западом. Сам Наполеон на острове Святой Елены, вероятно ради самооправдания, отстаивал тезис о непобедимости России³⁴. Его слова о том, что через десять лет Европа должна стать либо республиканской, либо казацкой, были в середине XIX века у всех на устах³⁵.

В данной связи надо указать на относительно новый феномен в европейской истории – ослабление миссионерского сознания. В то время на Западе начали говорить об опасностях, которые несет с собой европеизация стран за пределами Запада.

В XVIII веке с присущим ему оптимизмом и верой в прогресс заимствование западноевропейской модели Петром I считалось доказательством превосходства западной культуры. Не в последнюю очередь благодаря этому включение России в европейское сообщество государств произошло относительно беспрепятственно. Петр Великий и Екатерина II были любимцами западных просветителей. Вызывала всеобщее восхищение их попытка приспособить европейскую культуру к условиям страны, которая, на взгляд обитателей Запада, была полуварварской³⁶.

³³ См.: Cortés D. Op. cit., S. 326.

³⁴ См.: Le Comte de Las Cases. Le Mémorial de Sainte Hélène. Vol. 1-2, Gallimard, 1956.

³⁵ См.: Cadot M. Op. cit., S. 516.

³⁶ См.: Riasanovsky N.V. Op. cit., p. 256 ; Groh D. Rußland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961, S. 51.

Однако после 1815 года эти процессы стали оцениваться совершенно иначе. Европеизация России, как считали многие западные писатели, в конечном счете привела к тому, что русский правящий класс получил новейшие средства и „технологии“ власти, которые он теперь вполне успешно применяет против Запада. Вместе с тем в распоряжении русских властителей непритязательная, послушная и не затронутая западными идеями людская масса, которую можно использовать как угодно, в том числе и для завоевания мирового господства. В 1850 году немецкий востоковед и публицист Яков Филипп Фальмерайер писал по этому поводу, опираясь на мысли высказанные А. Герценом: „Запад больше не в состоянии решить свою социальную проблему, его духовные и мирские средства исчерпаны до конца... Достоверно и значимо лишь, что в противоположность изнуренной долгой жизнью и увядающей Западной Европе появляется народ.., который выращен под жесткой коростой царизма; народ... слепо верующий, пассивно подчиняющийся чужой воле“³⁷.

Лишь немногие наблюдатели тогда понимали: Европеизация России не может оставаться поверхностной. Заимствование западных технологий и моделей развития должно неизбежно повлечь за собой восприятие западного образа мыслей. Рано или поздно русский народ предъявит к власть предержащим требования, аналогичные тем, что уже были предъявлены гражданами западноевропейских стран своим правителям³⁸.

V

Страх перед Россией был тогда присущ не только представителям увядающего аристократического мира, таким, как Доносо Кортес или Токвиль. Носители обеих главных идей, которым предстояло господствовать в будущем, – немецкие националисты и идеологи пролетарской революции, – тоже воспринимали Россию как опасность. Такие сторонники германского единства, как Густав Дицель, были убеждены в том, что невозможно добиться объединения Германии без краха русской гегемонии в Европе. Дицель считал царя гарантом сохранения статус-кво в Германии. Только благодаря его поддержке не свергнуты немецкие династии, воплощавшие собой раздробленность Германии³⁹. И действительно, Николай I и его министр иностранных дел Нессельроде считали „химерой немецкой профессуры“ планы объединения Германии и рассматривали раздробленность Германии

³⁷ Fallmerayer J.P. Gesammelte Werke. Hrsg. Von G.M. Thomas, München 1861, Bd. 2, S. 59.

³⁸ К тем немногим, кто предсказал подобный ход событий, принадлежал Жозеф де Местр. В 1811 году он писал: „Если бы какому-нибудь образованному Пугачеву удалось возглавить партию; если бы только один раз народ взбудоражили и началась революция европейского образца ..., то у меня не найдется слов для того, чтобы сказать Вам, чего следовало бы опасаться“ (Tschizewskij/Groh, Europa und Rußland..., S. 61).

³⁹ См.: Diezel G. Rußland, Deutschland und die östliche Frage. Stuttgart, 1853, S. 61 ff., 99 ff.

как реальность, которую не следует подвергать испытаниям⁴⁰. Не в последнюю очередь по этой причине Густав Дицель в 50-х годах прошлого века призывал немцев к войне против России⁴¹.

Маркс и Энгельс тоже мечтали о подобной войне. Российской сверхдержаву они и после 1849 года рассматривали как главную помеху для осуществления своих целей. Поражение России в общеевропейской войне должно было, по их мнению, вновь запустить притормозивший революционный процесс. Несмотря на то, что революция 1848 года потерпела поражение не из-за русского вмешательства, а по причинам внутриевропейского характера, они придавали русскому фактору непомерно большое значение. И еще одно соображение обоих мыслителей оказалось ложным. Они рассматривали победу промышленной революции как предпосылку победоносного социалистического переворота. На деле произошло диаметрально противоположное. Лишь там, где промышленная революция не одержала полную победу, шансы оказались на стороне пролетарской революции. Позднейшее развитие России подтвердило это с особой ясностью.

Однако победу революции в России, по крайней мере до начала Крымской войны, духовные предтечи первого „пролетарского государства“ считали невыносимой. Они с негодованием отвергали мнение о революционных склонностях русского народа, которое было высказано в середине 19-го века, например, Михаилом Бакуниным и Александром Герценом⁴².

Сторонники объединения Германии, равно как и сторонники пролетарской революции видели в России источник опасности не только потому, что она выступала за консервацию сложившегося в Европе территориального и социального статус-кво.

Еще более опасным казалось им русское и славянское мессианское мышление, которое приобрело отчетливые очертания уже в середине XIX века. Подобно немцам, французам или итальянцам, русские, и прежде всего представители панславистского течения во главе с уже упомянутыми Федором Тютчевым и Михаилом Погодиным, тоже начали говорить о своей национальной миссии. Они соглашались с тезисом некоторых западных пессимистов о моральном упадке Европы и считали славян наследниками европейской культуры⁴³. Революция 1848 года способствовала развитию либо пробудила национальное сознание многих славянских народов Восточной и Южной Европы.

И теперь на южных и западных славян смотрели как на своего рода авангард России, нацеленный на радикальное изменение соотношения сил в Центральной Европе. В таких обстоятельствах царь получал возможность по своему усмотре-

⁴⁰ См.: Namier L. 1848..., p. 93.

⁴¹ См.: Diezel G. Op. cit. S. 100 ff.

⁴² См.: Marx K. und Engels F. Op. cit., Bd. 10, S. 3-8; Bd. 5, S. 165-176, 270-286.

⁴³ См.: Riasanovsky N. V. *Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology*. Cambridge (Mass.), 1952; Зеньковский В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955.

нию использовать в борьбе за гегемонию в Европе как консервативные, так и революционные средства.

К революционным относилась возможность обратиться с воззванием к угнетенным славянам. Особый страх перед славянской картой царя испытывали в Германии. Такие немецкие националисты, как Густав Дицель, в этом вопросе лишь несущественно отличались от представителей левого лагеря – Маркса, Энгельса или Мозеса Гесса. Все они усматривали в возможной борьбе славян за свою независимость, поддержанной Россией, попытку свести на нет тысячелетний культурный успех немецкой нации в Центральной и Восточной Европе⁴⁴. Кроме того, славянский мессианизм никак не сочетался с идеей германского или пролетарского мессианизма. Кажется почти парадоксом, что именно представители тех группировок, которые радикально ставили под вопрос существовавшую в Европе политическую и социальную систему, упрекали царскую империю в недостаточной лояльности к этой системе⁴⁵. Всё же в русофобии проявлялась лишь одна сторона немецкой точки зрения на Россию. Преимущественно в консервативном спектре немецкой общественности имела место и сильная русофильская тенденция. Критики европейского просвещения и так называемого упадка Запада связывали большие надежды с Востоком, „незатронутым“ цивилизацией. Август фон Хакстхаузен восхвалял достоинства русской сельской общины и пользовался большим влиянием у славянофилов. Прорусские настроения были сильны и в высших кругах Пруссии. Но и там с середины 19-го века начали себе прокладывать дорогу новые процессы.

VI

Революция 1848 года, несмотря на ее поражение, создала в Европе новый политический климат, требовавший совершенно иной техники власти. События 1848-1849 годов повлекли за собой чрезвычайную политизацию масс, и править ими,

⁴⁴ См.: Diezel G. Op. cit.; Marx K. und Engels F. Op. cit., Bd. 5, S. 165-176. В 1841 г. Мозес Гесс писал по этому поводу: „Простота подавляющей части русского населения - не святое простодушие откровенной невинности, а тупое бесчувствие холопского толка... И неужели этих людей можно призвать к мировому господству, к покорению той самой Европы, которая теперь соединяет глубину германского постижения Бога с практицизмом римского понимания мира?“ (Hess M. Die europäische Triarchie. Leipzig, 1841).

⁴⁵ См.: Diezel G. Op. cit. S. 75. Стереотипные представления о России Маркса, Энгельса и многих других мыслителей не в последнюю очередь объясняются тем, что вплоть до начала Крымской войны они мало занимались внутренними структурами царской империи и замечали только ее угрожающий внешний фасад. К числу немногих, кто стремился дать возможность западной общественности познакомиться с внутренними структурами России, был Август фон Хакстхаузен. Однако его глубокие исследования не получили тогда большого отклика на Западе.

не обращая внимания на общественное мнение, было уже невозможно⁴⁶. После-революционные правительства, в том числе и диктаторские, старались проводить „популярную“ политику. Тот факт, что царская империя была крайне непопулярной в глазах европейской общественности, должен был повлечь за собой гораздо более опасные последствия для России, чем в дореволюционные времена. Европейские правительства стремились также к тому, чтобы избавиться от пережитков патриархального строя в своих странах, важнейшим гарантом которого, как казалось, выступала Россия. Многие члены правящего слоя Пруссии или Австрии считали унижительным для себя то, что в некоторых случаях царь вел себя так, словно бы они являлись его вассалами⁴⁷. Они стремились как можно скорее избавиться от казавшегося бы всемогущего влияния восточной империи. В Берлине испытывали крайнее возмущение от того, что царь постоянно вмешивался во внутринемецкие отношения (например, Ольмюцкое соглашение в ноябре 1850 года). Взгляды прусских консерваторов во главе с братьями Герлах, выступавшими за легитимистскую солидарность консервативных сил⁴⁸, в начале 50-х годов воспринимались уже как анахронизм. Таким же анахронизмом австрийский министр иностранных дел Буоль считал убеждение консервативных генералов, вроде Виндишгреца, что Австрия должна быть благодарна России за ее помощь в 1849 году⁴⁹.

Царь по-прежнему думал, что только европейская общественность, а не правительства видят в нем тирана. Поэтому он чувствовал себя вполне уверенно, когда в начале 1853 года попытался присущими ему методами разрешить Восточный вопрос⁵⁰. Однако его попытка вызвала неожиданный для него эффект солидарности среди крупнейших европейских народов и их правительств. Все они рассматривали царскую империю как угрозу европейской цивилизации⁵¹.

⁴⁶ См.: Rochau von L.A. Gründzüge der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart, 1853.

⁴⁷ См.: Friedjung H. Der Krimkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart - Berlin, 1911, S. 48f.

⁴⁸ См.: Ibidem; Borries K. Preußen im Krimkrieg. Stuttgart, 1930, S. 3, 29f.

⁴⁹ Friedjung H. Op. cit., S. 21f. В марте 1854 года Буоль писал Францу-Иосифу I: „Австрия не может поддержать Россию в ее претензиях на безраздельное господство над Востоком, а также допустить нарушение целостности турецкой империи“ (Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Hg. Von W. Baumgart e.a. München - Wien, 1979-1980, Bd. I, S. 690).

⁵⁰ А.В. Никитенко, один из самых проникательных наблюдателей тогдашних событий, записал в своем дневнике: Николай I сделал вызов власти, которая, по словам Талейрана, намного сильнее, чем у самого могущественного государя - общественному мнению (Никитенко А. В. Указ. соч., т. 1, с. 428).

⁵¹ Те политические силы и правительства, которые не поддержали эту почти единодушную реакцию, либо были вынуждены всё же уступить, либо оказались на континенте в полной изоляции. Первое произошло с пацифистски настроенным правительством Эбердина в Лондоне, а второе - с Пруссией, которой пришлось расплачиваться за свой нейтралитет в Крымской войне временным исключением из „концерта“ европейских держав. См.: Krautheim H.J. Öffentliche Meinung und imperiale Politik: Das britische Rußlandbild 1815-1854. Berlin, 1977, S. 290, 305.

Но роковым для царя стало возрождение английской русофобии, которая после подписания договора о проливах от 1841 года почти на целое десятилетие исчезла из общественного сознания. Некоторые историки, например Б. Р. Шредер, рассматривают агрессивность Англии как самую важную причину Крымской войны⁵². Резкое изменение в английской политике, как, впрочем, и необычно агрессивный образ действий царя в международных делах, можно, вероятно, объяснить тем, что Великобритания и Россия были единственными в Европе великими державами, которым не пришлось испытать революционных потрясений 1848-1849 годов. Поэтому ощущение собственной внутренней мощи поощряло как Лондон, так и Петербург к внешнеполитической активности⁵³.

VII

Итак, столь долго ожидаемая борьба между Западом и Востоком наконец-то разгорелась. Это была борьба за восстановление европейского равновесия, против державы, которой приписывали планы завоевания всего мира. Как сказал Л. Нэмьер, борьба такого рода ведется, как правило, до „печального исхода“⁵⁴. Причем эта война имела целью не только восстановление политического равновесия, но и защиту „ценнейших благ западной цивилизации“. Европу впервые после войн против турок в XVI-XVII веках охватил *metus asiaticus* („азиатский страх“). Николая I представляли в виде восточного варвара, нового Тамерлана, у которого нет ничего общего с европейской традицией⁵⁵. По ироническому замечанию английского историка Кинсли Мартина, война на Босфоре в защиту восточного деспота (т.е. турецкого султана) была представлена как война в защиту христианских ценностей⁵⁶. На самом деле Крымская война была обычной локальной войной, в ходе которой ни одна из сторон не „пошла на всё“. А.Дж.П. Тейлор даже назвал ее своего рода „холодной войной“⁵⁷. Ей сопутствовали постоянные дипломатические переговоры, обе стороны одинаково действовали в рамках междуна-

⁵² См.: Schroeder P.W. *Austria, Great Britain and the Crimean War: The Destruction of the European Concert*. Ithaca (N.Y.), 1972, p. XII, 409, 412f., 415.

⁵³ См.: Ibidem; Doering-Manteuffel A. *Wom Wiener Kongreß zur Pariser Konferenz: England, die deutsche Frage und das Mächtesystem 1815-1856*. Göttingen, 1991. Петербургское правительство тоже считало тогдашнюю Россию непобедимой. См.: *Letters et Papiers du chancelier comte de Nesselrode: 1760-1856*. Paris, 1904-1912, t. 10, p. 10.

⁵⁴ Namier L. *Conflicts*, p. 54.

⁵⁵ „Уступка европейской части Турции в пользу России явилась бы покорением Запада Востоком, господством Азии над Европой“, - писал Густав Диецель в 1853 году. См.: Diezel G. *Op. cit.* S. 84.

⁵⁶ См.: Martin K. *The Triumph of Lord Palmerston: A Study of Public Opinion in England before the Crimean War.*, L., 1963, p. 17, 20, 25.

⁵⁷ См.: Taylor A.J.P. *Crimea: The War That Would Not Boil // Europe: Grandeur and Decline*. L., 1974.

родного права. В течение всего периода между наполеоновскими войнами и Второй мировой войной ни один из эпизодов борьбы за восстановление европейского равновесия не протекал столь мягко. Противникам силы, стремившейся к гегемонии, удалось сломить ее, не прибегая к тотальной мобилизации всего потенциала, употребив лишь небольшую часть своей мощи. В отличие от Наполеона или германского руководства в Первой и Второй мировых войнах царское правительство не сожгло за собой мостов после начала конфликта и не мыслило свои действия в терминах „всё или ничего“. Правда, причиной Крымской войны послужила неосторожность, довольно нетипичная для тогдашней внешней политики России. Но как только петербургскому правительству стало ясно, насколько неверной была его оценка реакции Запада на свои шаги, оно тут же проявило уступчивость, чтобы свести к минимуму ущерб. Немецкий историк Винфрид Баумгарт считает, что главным образом благодаря Австрии и ее министру иностранных дел Буолю Крымская война не превратилась в широкомасштабную мировую. Чувство ответственности и посредничество Венского кабинета предотвратили тотальную конфронтацию сторон⁵⁸. Однако любой компромисс предполагает взаимное согласие. Тот факт, что царское правительство после некоторых колебаний в конечном счете принимало каждый австрийский ультиматум и, в отличие от 1812 года, отказалось от тактики отступления и „выжженной земли“, не менее сильно повлиял на характер Крымской войны, чем тогдашняя политика Австрии.

И не только правительства участвовавших в войне сторон, но и народы не воспринимали начавшуюся в 1853 году „судьбоносную войну между Западом и Востоком“ как борьбу не на жизнь, а на смерть. Например, Токвиль жаловался в 1855 году, что французы не понимают смысла войны в Крыму. По его мнению, совсем иначе обстояло бы дело, если бы такая война велась против англичан. Тогда бы Наполеон III мог взывать к укоренившемуся в общественном сознании образу врага⁵⁹. Таким образом, длившийся десятилетие поход публицистов против России не оставил слишком глубоких следов в общественном сознании Франции. И в Англии после первого поражения ее армии сильно спало военное воодушевление⁶⁰.

Да и в России Крымская война не всеми воспринималась в качестве жизненно необходимой, решающей битвы во имя панславизма⁶¹. Стремление самодержа-

⁵⁸ Baumgart W. Der Friede von Paris: Studien zum Verhältnis von Kriegsführung, Politik und Friedensbewahrung. München, 1972, S. 64-77, 258. Критику в адрес Буоля см.: Friedjung H. Op. cit., S. 45f, 101 ff., 108 ff.

⁵⁹ См.: Correspondence and Conversation of Alexis de Tocqueville with Nassau William Senior from 1834 to 1859. L., 1872, vol. 2, 128 ff.

⁶⁰ Martin K. Op. cit., p. 202-205.

⁶¹ Райнхард Витрам верно указывает, что первой и единственной панславистской войной России была не Крымская, а Турецкая в 1877 году. См.: Wittram R., Das russische Imperium und sein Gestaltwandel // Historische Zeitschrift, 1959, 187, S. 588.

вия задушить все независимые общественные течения привело к тому, что оно оказалось в изоляции не только вовне, но и внутри страны. Не могло быть и речи о патриотическом подъеме наподобие того, что был в России во время кампании 1812 года. Федор Тютчев был одним из немногих, кто с радостным воодушевлением отнесся к разразившейся битве между Западом и Востоком, восприняв ее как эпохальное событие⁶². Когда все великие державы Запада, за исключением Пруссии, образовали сомкнутую антирусскую фалангу, царю, по мнению поэта, больше не было нужды считаться с легитимистским принципом, и он мог теперь призвать все угнетенные славянские народы к освободительной борьбе. В начале 1854 года Тютчев сочинил такие строки:

И своды древние Софии
Возобновленной Византии
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о Царь России, –
И встань как всеславянский Царь!⁶³

Цензор показал стихотворение Николаю I, который подчеркнул процитированные строки и написал: „Подобных строк не допускать!“⁶⁴.

Сразу после падения Севастополя, предрешившего поражение России, Токвиль заявил, что этот ее проигрыш не имеет значения. Подъем империи неудержимо будет продолжаться. В качестве доказательства Токвиль сослался на мощную экспансию России на Дальнем Востоке, которая не приостановилась, несмотря на поражение в Крымской войне⁶⁵. С Токвилем согласны и многие современные историки. Например, Дитер Гро, Джеффри Барраклаф и Норман Рич полагают, что поражение России в Крымской войне только замаскировало ее подлинную мощь. Как великая держава она, по их мнению, не понесла заметного урона⁶⁶.

В реальности же после Крымской войны Россия, в противоположность тому, что говорят эти историки, пережила не кажущееся, а подлинное ослабление своего могущества⁶⁷. Территориальное расширение России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке не усиливало ее позиций по отношению к Западу – в то время и сам Запад переживал период активного расширения колониальных террито-

⁶² См.: Schelting von A. Op. cit., S. 186f.

⁶³ Тютчев Ф. Лирика. М.: Наука, т. 2, 1966, с. 120.

⁶⁴ Rauch von G. J.Ph. Fallmerayer und der russische Reichsgedanke bei F.I. Tjutčev // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1953, 1, S. 54-96. Также см.: Тютчева Л.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник. М., 1928, с. 147 сл.

⁶⁵ См.: Correspondence and Conversation of A. de Tocqueville..., vol. 2, p. 128 ff.

⁶⁶ См.: Groh D. Rußland und das Selbstverständnis, S. 175; Barraclough G. Op. cit.; Rich N. Op. cit., p. 4, 201.

⁶⁷ См.: Wohlforth W. The Perception of Power: Russia in the Pre-1914 Balance // World Politics, 1986/87, 39, p. 353-381.

рий. Упадок могущества царской империи был обусловлен прежде всего ее внутренним расколом и всё усиливавшейся изоляцией царского режима от общества. После большевистского переворота Россия тоже не сразу смогла вернуть себе свое прежнее могущество. Она вынуждена была примириться с отпадением многих провинций бывшей царской империи и пережила чувствительные удары от только что возрожденного польского государства. К этому следует добавить беспримерный ущерб, нанесенный большевистским и сталинским террором. Как справедливо подчеркивает Винфрид Баумгарт, упадок мощи России продолжался практически до начала Второй мировой войны⁶⁸. И только после 1945 года на Западе опять вспомнили о прогнозах Токвиля и других европейских пессимистов. Монолитному, централизованному русскому колоссу теперь снова противопоставляли кажущийся слабым Запад с присущей ему внутренней разобщенностью и избытком социальной и политической напряженности. Опять стал актуальным тезис об истощении и декадансе Запада и о витальном превосходстве русских.

VIII

Коренное изменение соотношения сил в Европе после Крымской войны поразительно напоминает происходящее начиная с 1989 года. В обоих случаях ослабление России вызвало необычайное ускорение политического развития на континенте, радикальную перемену в территориальном статус-кво, десятилетиями остававшимся незыблемым. В обоих случаях страной, которая в наибольшей степени воспользовалась возникшим стечением обстоятельств, была Германия. Недавно немецкие националисты середины 19-го столетия принадлежали к реалистически мыслящему меньшинству в лагере западных русофобов. Запад в то время безмерно преувеличивал мощь России, которая была слишком слаба для того, чтобы по примеру Наполеона I создать мировую монархию. Тем не менее она была достаточно сильна, чтобы помешать в то время объединению немцев. И после 1945 года могущественная Россия противостояла их объединению. К числу величайших парадоксов Новейшей истории относится и такой: как легитимистская царская империя, так и „пролетарский“ Советский Союз считались главными гарантами послевоенного порядка и напрягали все свои силы для замораживания территориального статус-кво в Европе.

И в том и другом случае Россия защищала наднациональную „политику принципов“ и вела борьбу против права наций на самоопределение: сначала во имя принципа легитимности, а затем – ради „пролетарского интернационализма“. Провал обоих планов привел к победному движению „лингвистического нацио-

⁶⁸ См.: Baumgart W., *Op. cit.*, S. 249.

нализма“ (Л. Нэмбер) и распаду ряда многонациональных государств и империй, которые были характерны для Центральной и Восточной Европы.

В 1851 году итальянец Манчини назвал многонациональное государство „нежизнеспособным монстром“⁶⁹. Похожими эпитетами будут охарактеризованы многонациональные государства и после 1989 года.

А теперь несколько слов о немецко-русских отношениях. Вследствие того, что в 1870-1871, равно как и в 1989-1990 годах, Россия своими действиями сделала возможным объединение немцев, в Германии на время распространилось эйфорическое чувство благодарности к ней. В марте 1871 года Вильгельм I в экзальтированной форме выразил свою признательность царю за русский нейтралитет во время франко-прусской войны⁷⁰. Тем не менее двадцать лет спустя оба государства уже оказались в разных политических лагерях, а их правящие круги окунулись в вихрь националистической фразеологии о неизбежности борьбы между славянством и германской нацией.

Модернизация России, которую на рубеже веков пытались осуществить такие государственные деятели, как Сергей Витте и Петр Столыпин, вызвала крайнее беспокойство в имперских верхах Германии. Фриц Фишер усматривает в страхе немецкого руководства перед слишком сильной Россией одну из главных причин Первой мировой войны.

И после окончания этой войны, которую обе страны проиграли, отношение немцев к России оставалось крайне двойственным. С одной стороны, были Рапалло и беспрецедентное преклонение элиты Веймарской республики перед русской культурой. В 1921 году Хуго фон Хофмансталь жаловался, что Достоевский теперь угрожает свергнуть Гёте с его пьедестала⁷¹.

С другой стороны, тогда же антирусские тенденции достигли необычайной силы. Изоляция большевистского государства от международного сообщества превратилась в искушение для крайних националистов в Германии. По словам Эрнста Нольте, Гитлер действовал „будучи убежден в наличии (...) неповторимой в истории (...) возможности уничтожить русскую революцию при сочувственном отношении к этому со стороны буржуазии Европы и тем самым создать для Германии совершенно новое геополитическое положение, гарантирующее ее будущее“⁷². (Эти слова написаны Нольте до начала „спора немецких историков“, когда он еще не склонялся к тому, чтобы поставить под сомнение уникальность преступлений национал-социализма.)

⁶⁹ Anderson M.S. *The Ascendancy of Europe: Aspects of European History 1815-1914*. L., 1972, p. 140.

⁷⁰ См.: Bußman W. *Das Zeitalter Bismarcks // Handbuch der Deutschen Geschichte*. Hg. von L. Just. Konstanz, 1956, Bd. 3, Teil 2, S. 129.

⁷¹ Hofmannsthal von H. *Gesammelte Werke: Prosa*. Frankfurt am Main, 1955, Bd. 4, S. 75.

⁷² Nolte E. *Die Faschistischen Bewegungen: Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung des Faschismus*. München, 1979, S. 58.

Гитлер легко преодолел сопротивление некоторых прорусских кругов в рейхе и осуществил свой план. Так страна, которую часто обвиняли в преувеличенной русофилии, в 1941 году начала именно против России войну на уничтожение, небывалую в Новейшей истории Европы.

Колебания между крайностями русофилии и русофобии были не в последнюю очередь связаны со срединным положением Германии. Россия рассматривалась либо в качестве союзника против Запада, либо как препятствие, которое следует устранить, чтобы снять блокаду с Германии. Только интеграция Германии в Европу, происходившая после 1945 года и завершившаяся в 1989/90 годы, положила конец этим колебаниям. Правда, критики Горбачева считают, что сдача хранившихся в Москве ключей к немецкому единству одновременно с интеграцией объединенной Германии в Европу означает „объявление недействительными результатов Второй мировой войны“ и соответственно пренебрежение русскими интересами. Однако они упускают из виду, что немецкое сопротивление Западу лишь очень редко служило русским интересам, так как оно обращалось в конечном счете и сильнее всего (в 1914-1918 и в 1941-1945 гг.) именно против России.

(Перевел с немецкого Александр Хлопин)